

ДЕТИ
ВОЙНЫ

Татьяна МАЙСТРЕНКО

ОПАЛЕННАЯ МОЛОДОСТЬ

Дети войны

Татьяна Майстренко
Опаленная молодость

«Четыре четверти»

2014

Майстренко Т. А.

Опаленная молодость / Т. А. Майстренко — «Четыре четверти»,
2014 — (Дети войны)

ISBN 978-985-7103-25-6

В этой книге, посвященной памяти отца, минчанина Анисима Петербурцева, Татьяна Майстренко проходит путь его жизни – с 1939 по 1945 год, – столь типичный для людей того поколения. Здесь и судьбы его родных, и рассказ о тех, кто сражался с ним рядом. Источниками для написания книги стали мемуары отца, а также документы из музеев Смоленска и Смоленской области. Книга предназначена тем, кому дорога история родной страны, память Великой Победы, и прежде всего – подрастающему поколению.

ISBN 978-985-7103-25-6

© Майстренко Т. А., 2014

© Четыре четверти, 2014

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Родная кровь	7
Глава 2. Отец в окружении и в плену	24
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Татьяна Майстренко

Опаленная молодость

© Майстренко Т. А., 2016

© Издательство «Четыре четверти», 2016

Предисловие

Книга рассказывает о боевом пути моего отца, минчанина Петербурцева Анисима Михайловича. Поводом для написания этой книги послужило то, что после опубликования в 2006 г. мемуаров отца под названием «Судьбы и войны. Воспоминания жителей деревни Журавель» мне подумалось, что отец рассказал не все. Что-то не сохранила его память в силу его возраста и времени, а что-то он попросту и знать тогда не мог. Например, стратегию тех военных операций, в которых он участвовал. А главное – захотелось охватить более широким и подробным взглядом историю прошедшей войны и роль в ней самого дорогого в моей жизни человека – отца. Он был одним из многих: рядовым, младшим сержантом – винтиком, из которого складывался механизм Победы на пути к мирной жизни. Человек он был предельно скромный, даже закрытый. Пишу эти строки 16 июля 2011 года, в день второй годовщины со дня его смерти со смешанным чувством скорби и радости, что он был в моей жизни и дал мне очень многое. А именно – понимание того, как надо жить и любить свою Родину – уголок, в котором живешь, реку, лес, историю семьи и отечества, книги, музыку, народные песни. За Родину он шел на смертные муки на фронте, да и умирал в мирное время в муках, как солдат-фронтник – мужественно, молча, без жалоб, в конце жизни поцеловав фотографию своей матери.

Глава 1. Родная кровь

*Мне как верному сыну, дорог
И навеки мне люб и мил
Этот край, где кровавый враг
Светлых радостей нас лишил.*

*Я пройду через все невзгоды,
Наступления и бои
За твою, Беларусь, свободу,
За поля и леса твои!*

(Из сборника фронтовых песен)

Эта глава посвящается двум белорусам, двум родственникам, участникам Смоленского сражения 1941 года, один из которых пал смертью храбрых в этом сражении. Оба они – уроженцы Могилевщины, родившиеся, когда она еще была Могилевской губернией. Один – в 1916-м, другой – в 1903-м. Первый – мой отец, Петербурцев Анисим Михеевич, второй – его родной дядя, Хромченко Михаил Николаевич. Отцу моему повезло вернуться после двух войн живым и дожить до преклонного возраста. Он умер в 2009 году в 93-летнем возрасте. А дядя его, Михаил Хромченко, погиб в 1941 году в возрасте 38 лет. Они не были знакомы в мирной жизни, не довелось им встретиться и на войне. Но фронтовые пути их пересекались, и не однажды. Воевали они в 1941 году в одной армии – в 20-й, под командованием П. А. Курочкина. Восстановить хронологию событий и участие в этих событиях отца и двоюродного деда мне помогли воспоминания отца, которые он написал на склоне лет, военно-историческая литература, книга «Память. Чериковский район», письма внучки М. Н. Хромченко, москвички Ирины Балашовой, а также данные из Интернета, любезно предоставленные мне Могилевским поисковым объединением ВИККРУ, за что им особая благодарность. Именно сведения из Интернета явились отправной точкой для изучения биографии Михаила Николаевича Хромченко.

Начало жизни дяди и племянника. Стоит оглянуться лет на более девяносто назад, в детские и юношеские годы моего отца и его дяди. А годы были непростые, переломные.

Миша Хромченко родился в 1903 году в деревне Монастырек Чериковского уезда Старинской волости Могилевской губернии в большой крестьянской семье. Отец его (он же дед моего отца и мой прадед), Николай Петрович Хромченко, овдовев, женился вновь, и от двух браков у него родилось 13 детей, Миша – 11-й по счету. Николай Петрович Хромченко держал большое хозяйство: несколько коров, пару лошадей, мелкий скот. С раннего детства дети приучались к крестьянскому труду. Глава семьи был человеком волевым, детей воспитывал в строгости и православной вере. Сам же он, в свободное от работы время, охотился на тетеревов, глухарей, в изобилии водившихся в лесах тогда, а впоследствии полностью истребленных. Участвовал в засадах на волков, что говорит о его смелости и решительности. Такими же он хотел видеть и своих сыновей, стремился дать им образование, какое было ему доступно в то время. В гимназию крестьянских детей не принимали, поэтому вначале братья Хромченко закончили приходскую школу в Монастырьке, затем – высшее начальное училище в Черикове. После революции братья продолжили учебу во вновь открывшейся в Черикове средней школе. С дочерьми Николай Хромченко не церемонился: по исполнению им 17–18 лет выдавал замуж, образования им также не полагалось. Одну из семи дочерей, мою бабушку Прасковью, выдали замуж за Михея Степановича Петербурцева в деревню Журавель, расположенную на проти-

воположном берегу реки Сож. По существующей семейной легенде название деревни Монастырек возникло не случайно – говорят, что на этом месте существовал маленький женский монастырь, монахини которого были за какие-то провинности расстрижены игуменьей. Возможно, моя прабабушка была одной из этих монахинь – это только мое предположение. Но вот подлинный фундамент дома игуменьи сохранился до сих пор.

Трое средних сыновей Николая Хромченко – Антон, Михаил и Прокоп приняли революцию и сразу включились в новую жизнь. Они были в числе первых комсомольцев деревни Монастырек. Самый старший из них, Антон, родившийся предположительно в 1900 г., вступил в ряды Красной Армии. Он оказал большое влияние на младших братьев, возможно даже, что по его примеру Михаил выбрал карьеру военного. Антон рано погиб, в 1919-м году, при установлении Советской власти в Черикове. Вскоре Михаилу и Прокопу комсомольская ячейка поручила открыть в деревне избу-читальню, для чего братья уговорили отца разрешить им занять для этих целей половину родительского дома. Братья активно взялись за новое дело: Михаил стал заведующим избой-читальней, Прокоп – библиотекарем. Они вместе с такими же молодыми ребятами организовали сельскохозяйственный кружок для односельчан, ставили спектакли, читали лекции о международном положении, проводили курсы для взрослых по ликвидации неграмотности. Рассказ об этой избе-читальне есть в книге «Памяць. Чэрыкаўскі раён. 1994 г.».

В 1924 году Михаил получает от военкомата Черикова направление для поступления на курсы Кремлевских курсантов и уезжает в Москву. А надо сказать, что был он очень красивым парнем. С этого момента его военная карьера начала успешно продвигаться. Прокоп же, закончив сельскохозяйственную школу, стал первым председателем колхоза им. Буденного в родной деревне Монастырек.

В 1932 году в Москве открывается военная Академия механизации и моторизации (позднее она получает название военная Академия бронетанковых войск), куда поступает и Михаил Хромченко. По окончании Академии, в 1937 году, он, в звании капитана, получает назначение в Читту, в Забайкальский военный округ, семья уезжает с ним. О его участии в военных действиях на восточной границе мне пока ничего не известно. Надеюсь изучить этот период, поскольку в Подольском архиве хранится личное дело Михаила Николаевича Хромченко с послужным списком. С большой долей вероятности думаю, что он участвовал в боевых действиях в 1937–1938 годов, так как видела в Интернете на сайте «memorial», что в 1940 г. ему было присвоено звание подполковника. В Москве сохранилось много фотографий Михаила предвоенного периода, на некоторых он с орденом боевого Красного Знамени на груди. В том же, 1940 году, Хромченко назначен начальником штаба 13-й танковой дивизии вновь создаваемого 5-го механизированного корпуса во вновь сформированной 16-й армии под командованием генерал-лейтенанта Михаила Федоровича Лукина. Так заканчивается период предвоенной биографии Михаила Хромченко. Тревога надвигающейся войны уже витала в воздухе...

Племянник Михаила Николаевича Хромченко, мой отец, Анисим Михеевич Петербурцев, родился в 1916 году во время Первой мировой войны, когда отец его (мой дед по отцу), рядовой царской армии, Михей Степанович Петербурцев, был мобилизован на фронт. Родился Анисим Петербурцев в деревне Журавель, расположенной на правом берегу Сожа как раз напротив деревни Монастырек. Эти деревни (их уже нет в действительности) разделяли река и два километра заливного луга. Анисим был самым младшим, 8-м ребенком. В семье и в деревне его почему-то звали Лева, Левка – так пожелала его назвать домашним именем мама. До самой старости его в деревне так и звали, а меня – Таня Левкова. Есть народное поверье, что наличие у человека второго имени оберегает его от смерти. Возможно, это в какой-то степени и сыграло роль в судьбе моего отца. Мать его, Прасковья Николаевна, приходилась Михаилу Хромченко родной сестрой по отцу и была старше брата на 26 лет.

Мой отец рассказывал, что уже в семилетнем возрасте запрягал коня. Чтобы достать до шеи коня, он привязывал его к забору, а сам влезал на забор и после этого уже мог запрягать. С 10 лет, вынужденный по просьбе матери оставить школу, он уже работал «в парубках» на хуторе приемного сына своей тетки, Митрофана Яскевича. Хутор располагался на окраине деревни Ушаки, на речушке Сенна (притоке Сожа). Мальчишкой отец пас босиком корову, заготавливал с хозяином дрова, нянчил его ребенка. Во время Великой Отечественной войны Митрофан Леонтьевич Яскевич попал в плен и оказался в лагере военнопленных в Масюковщине (сейчас территория Минска). Он умер от голода и болезней в лагерном лазарете 3 декабря 1941 года, о чем я узнала недавно из книги «Памяць. Мінск, том 5». Отыскав дочь Митрофана, 87-летнюю москвичку Веру Митрофановну, я спросила по телефону, знает ли она, где похоронен ее отец и знала ли она о мальчике, работавшем в их семье в 1926 году. Вера Митрофановна ответила: «Знаю о мальчике по рассказам родителей. Только звали его не Анисим, а Лева». А ведь это как раз и было домашнее имя моего отца! Ребенком же, которого нянчил мальчик Лева, и была сама Вера Митрофановна, родившаяся в 1925 году. И о могиле Митрофана она знает. Внук Митрофана, сын Веры Митрофановны, москвич Александр Яскевич, работник УВД Москвы, бывая в командировке в Минске, посещает братскую могилу в Масюковщине, где покоится его дед.

Отец мой, очень желая учиться в школе, все же сбежал из дому в лес на два дня, когда за ним приехал на коне Митрофан Яскевич нанимать работать на второй срок. Бабушка со слезами уступила отцу и сшила ему из льняного полотна новые штаны, рубашку и торбу для книг, отправив в школу. Успешно закончив начальную 4-классную школу в деревне и среднюю в Черикове, отец поступает на педагогические курсы, а затем во вновь открывшийся Могилевский педагогический институт. И опять же его поддержала мать на семейном совете. Братья и сестры отца остались крестьянствовать в колхозе. Учился он в институте с 1934 по 1938 год. Время тогда было очень голодное, помощи из дома быть не могло. Поэтому, чтобы не умереть с голоду, отцу пришлось, как и другим студентам, по ночам разгружать вагоны, а днем еще и подрабатывать учителем в вечерней школе. По окончании института его направили в г.п. Наровля Полесской области. Ему удалось один год поработать учителем истории и географии в сельской школе деревни Головчицы недалеко от Наровли.

Отец. Финская война

Все его мирные планы нарушила финская война. Вот что он пишет в своих воспоминаниях:

«До 1939 г. учителя средних и начальных школ, расположенных в сельской местности, пользовались отсрочкой от призыва в армию. Однако, учитывая сложившуюся к осени 1939 г. международную обстановку, были отменены отсрочки для ряда профессий, в том числе и для сельских учителей. Поэтому в ноябре 1939 г. тридцать учителей Наровлянского района, ранее пользовавшиеся отсрочками, были призваны в ряды Красной Армии. В это число попал и я. Нас собрали в военкомате Наровли и дали наказ служить честно на благо Родины. Из 30 человек нас, 20 призывников, направили в артиллерийские части, остальных 10 – в танковые. В ноябре 1939 г. наша группа учителей получила направление в 134-й гаубичный полк 95-й стрелковой дивизии, дислоцировавшейся в окрестностях города Котовск Молдавской ССР. В полк прибыли 12 ноября 1939 г. Всех нас, вновь прибывших, зачислили в полковую школу с расчетом, что по окончании ее, после 6 месяцев учебы, мы должны были сдать экзамены на звание младшего лейтенанта. Однако эти планы были нарушены. На 4-й месяц нашей службы, в начале февраля 1940 г., 95-я стрелковая дивизия была направлена на Финляндский фронт, на Карельский перешеек. Полковую школу распустили, а нас распределили по артиллерийским батареям. И вот к вечеру мы прибыли в Ленинград. Срочно разгрузились на станции Витебский вокзал-Товарная и пешим маршем отправились на станцию Песочная. Ленинград в то

ночное время был затемнен, только тусклым светом горели регулировочные огни на улицах. Погода за городом встретила нас 25-градусным морозом и сильной метелью. Шли мы всю ночь и весь следующий день. Только к 5 часам вечера следующего дня мы дошли до казарм на станции Песочная. Мы так устали, что, не ев почти сутки, не стали ждать ужина, а уснули моментально. На завтра мы получили зимнее обмундирование: стеганые телогрейки, ватные штаны, валенки, подшлемники. На следующее утро был продолжен пеший марш на фронт, в сторону Териок, а затем на Выборг. Зима 1940 года отмечалась сильными морозами. Даже в Белоруссии было минус 40–45 градусов, от чего вымерзли почти все сады. Морозы же на Карельском перешейке были еще сильнее. По пути к линии фронта снова поднялась сильная метель при сильном морозе. Первые сутки мы шли пешком со скоростью 5 километров в час. Однако при приближении к фронту движение нашей колонны замедлилось. Все чаще приходилось останавливаться из-за пробок, от того, что при встречном движении достаточно машине чуть свернуть с накатанного пути, и она застревала в снегу, толщина которого доходила до метра. Мы шли пешком от окрестностей Ленинграда к фронту уже вторые сутки без отдыха, не считая остановки в населенном пункте для приема пищи на самое короткое время. Я, впервые в такой ситуации, заснул в буквальном смысле слова, на ходу. До этого никому не поверил бы, что человек может спать, когда идет.... Вдвойне было тяжелее по причине того, что в Финляндии не было возможности зимой выкопать землянку. Только в низких местах почвенный грунт был более полуметра, а в остальных – не более полуметра. Зато в низинах, под верхним слоем почвы, стояла вода. Мы пробовали на ночь ставить палатки, но палатка спасала только от ветра, но не от мороза, который по ночам достигал 40 градусов. Для штабов полка, дивизии выдавались зимние палатки с печкой-буржуйкой, солдаты же такой роскоши не имели. Вот тогда-то я и обморозил ноги, которые болят и сейчас. Ведь нужно было неподвижно лежать в окопе на земле по нескольку часов. Как-то нас, 5 человек, вызвал командир взвода, выдал кирки и лопаты и направил на наблюдательный пункт дивизии, чтобы выкопать укрытие для командного пункта. С 8 утра до 13 часов мы долбили ячейки, затупили все инструменты, а в землю углубились только на 5–10 сантиметров. Сплошной скальный грунт. В таких тяжелых морозных условиях раненый солдат на переднем крае, не доставленный в санроту, при потере крови быстро погибал от мороза.

На фронт мы прибыли, когда наши войска были уже на подступах к Выборгу, сломив сопротивление финских войск на основных укреплениях линии Маннергейма. Только внешнее кольцо линии Маннергейма опоясывали три линии эскарпов – непроходимых препятствий для наших танков. Эскарпы – это вырытые в земле в шахматном порядке каменные глыбы. Проходы для танков нам нужно было пробивать, разрушая эскарпы прямой наводкой из тяжелых орудий.

В первой половине марта 1940 года Красная Армия начала штурм Выборга. А 13 марта 1940 года в 12 часов дня боевые действия на Карельском перешейке были прекращены. Наступил мир. Надо было видеть, сколько было радости у нас, солдат! По всему лесу, где стояли наши войска, слышны были крики «Ура!»

После окончания военных действий наш полк был отведен на станцию Песочная под Ленинград (недалеко от Парголово). Здесь нас, солдат первого года службы из 134-го гаубично-артиллерийского полка, передали в состав 24-й Куйбышевской стрелковой дивизии Ленинградского военного округа, а 95-я стрелковая дивизия вернулась на прежнее место дислокации – в Котовск Молдавской ССР» (9).

Судьба 95-й Молдавской стрелковой дивизии в 1941–1942 гг. сложилась трагически. Она почти вся погибла в боях под Севастополем в составе Приморской армии, до этого отважно сражаясь при обороне рубежей на реке Днестр, а также при обороне Одессы. В Приморской армии позднее, с 1942 года, воевал связистом родной брат отца, Степан Михеевич Петербурцев. Об этом мне удалось узнать из наградного листа дяди Степана. И еще одно удивительное

пересечение судеб: Николай Иванович Крылов (с 20 июня 1944 г. командующий 5-й армией, в которой отец воевал в 1944–1945 годах, в период операций «Багратион» и в Восточно-Прусской) в 1941–1942 годах был начальником оперативного отдела штаба Приморской армии. Из его книги мемуаров «Не померкнет никогда» я и узнала о героическом боевом пути 95-й стрелковой дивизии, в которой мой отец начинал службу.

«В 1940-м, в мае, продолжилась учеба в полковой школе, восстановленной в 134-м гаубичном полку, в районе станции Песочная. В середине июня учеба вновь была прервана: полк направлялся в Эстонию, в город Пылтсамо, где мы, курсанты, пробыли до конца июля 1940-го, затем были отправлены в Молодечно, войдя в состав 161-й стрелковой дивизии под командованием генерала Галицкого, где учеба в полковой школе продолжилась до осени 1940 года. Я получил назначение командиром отделения артиллерийской разведки в артбатарею под командованием старшего лейтенанта Юрьевского» (9).

В марте 1941 года 140 солдат и младший командный состав были выведены из состава 161-й стрелковой дивизии и вошли в состав вновь сформированной 36-й танковой дивизии, штаб которой располагался в Несвиже, в замке Радзивилла» (9).

В своих воспоминаниях отец указывает, что дивизия эта входила в состав 18-го механизированного корпуса. Однако в недавно выпущенной книге Алексея Исаева «Неизвестный 1941. Остановленный блицкриг» 36-я танковая дивизия числится в составе 17-го мехкорпуса (стр.471). Те же сведения есть и в книге-энциклопедии Руслана Иринархова «Красная Армия в 1941 году». Думаю, ошибся отец. Хотя меня поражает и вызывает уважение тот факт, сколько подробностей из тех роковых лет сохранила его память. Например, он пишет по памяти следующее:

«В состав дивизии (36-й танковой) входили 2 танковых полка, находившиеся в самом Несвиже (они были без танков, если не считать 10 легких учебных танков БТ и Т-27); артиллерийский полк, который получил перед самой войной пушки-гаубицы 120-миллиметрового калибра, но без снарядов и тягачей; затем стрелковый полк, находившийся около Греска, также разведбатальон, мотопонтонный батальон и зенитная батарея, к началу войны не имевшая снарядов» (9).

По сведениям из книги Руслана Иринархова «Красная Армия в 1941 году» 36-я танковая дивизия в составе 17-го механизированного корпуса находилась в Западном Особом военном округе.

Великая Отечественная война.

22 июня 1941 года. Эту дату не забудет ни один фронтовик...

Петербурцев Анисим Михеевич:

«В день начала войны, 22 июня, мы были в лесу на учениях. Сообщение о начале войны привез нам вестовой, приехав на мотоцикле. Не имея данных об оперативной обстановке, в ночь на 24 июня вся дивизия пешком, без боеприпасов, направилась в сторону Барановичей. В эту же ночь я, как писарь 5-й части штаба дивизии, вместе с зенитной батареей дивизии и с начальником тыла дивизии капитаном Савостьяновым выехал в Барановичи на охрану штаба механизированного корпуса. Уже перед заходом солнца немецкие бомбардировщики бомбили станцию Барановичи. Когда же стемнело, над городом появился немецкий самолет, разбросавший осветительные бомбы-фонари, а затем при свете этих фонарей налетели немецкие бомбардировщики, началась бомбежка города и станции. Никакой противовоздушной обороны не было. Даже наша зенитная батарея прибыла в Барановичи, не имея ни одного снаряда. В 5 часов утра следующего дня в небе над аэродромом, на высоте до одного километра, появились 18 немецких самолетов-штурмовиков Ю-87. Зенитки аэродрома открыли огонь по самолетам, но, не успев выпустить и десяти снарядов, были полностью подавлены. Немецкие самолеты спокойно разбомбили оставшиеся на аэродроме самолеты, а затем, по-одиночке раз-

летишь над городом и станцией, беспрепятственно расстреляли эшелоны на станции и другие объекты города и станции.

Не зная, что наша 36-я танковая дивизия получила приказ повернуть путь следования на восток, на Могилев, мы с раннего утра поджидали наши части на окраине города со стороны Несвижского тракта, рядом с аэродромом. И только к 12 часам дня нас поставили в известность, что дивизия отходит на восток, не имея ни боевых танков, ни боеприпасов. Вернувшись 24 июня снова в Несвиж и погрузив в грузовик 12 семей комсостава штаба дивизии, которые должны были эвакуироваться в Саратов, я сопровождал их вначале в Греск, где находился в гарнизоне стрелкового полка дивизии начальник тыла Савостьянов. От него я получил указание везти женщин и детей в Минск, сдать их коменданту станции, а самому возвращаться с машиной в Греск. Капитан снабдил меня картой с нанесенным маршрутом следования проселочными дорогами во избежание бомбежек. Не доезжая 15 км до Минска, я узнал, что поезда со станции Минск уже не отправляются, вокзал разбомблен. Мы объехали Минск южной стороной, добрались до Пуховичей, где я и сдал семьи комсостава коменданту станции, а сам с водителем вернулся к вечеру 25 июня в Греск, доложив капитану Савостьянову о сложившейся обстановке, о бомбежке Минска. Загрузив полуторку стрелковым оружием и боеприпасами со склада полка, мы выехали в сторону Могилева. Подъехав к развилке дорог Бобруйск – Могилев, стали совещаться, куда нам направиться. Вот здесь и повстречался нам старик с большой бородой, житель ближайшей деревни. Он сообщил нам, что Бобруйск уже занят немцами, посоветовав ехать прямо на Могилев. Вот что сказал тогда старик: «А ведь мы в свое время по-настоящему воевали в 1904 году с японцами. Почему же вы без боя оставляете наши белорусские земли? Ведь я же знаю лозунг и песню, что своей земли мы не сдадим ни пяди!» Конечно, нам стало стыдно перед стариком. Действительно, где же наша военная сила, когда мы бежим на восток, не давая врагу настоящего отпора? Сказать в ответ старику нам в тот момент было нечего...

В район Могилева мы прибыли 28–29 июня. Здесь, в лесу, около автозавода, находились отдельные подразделения штаба 36-й танковой дивизии, так и не вооруженной. В течение недели к нам прибывали отдельные офицеры дивизии, выходившие из окружения кто как мог. Командир одного из танковых полков выходил вместе с маршалом Куликом, переодевшись в крестьянскую одежду, с топором за поясом и с пилой в руках. Через 6–7 дней личный состав 36-й танковой дивизии был отведен на переформирование в район населенного пункта Починок, под Смоленском, где мы участвовали в тяжелых оборонительных боях, а затем в село Знаменское восточнее Смоленска» (9).

Так описывал первые дни войны мой отец. Мне не удалось пока проследить путей отступления 17-го механизированного корпуса, в который входила 36-я танковая дивизия. Лишь только в книге В. Муратова и Ю. Городецкой (Лукиной) «Командарм Лукин» на стр.79 в описании обороны Смоленска есть следующее:

«Тем же приказом (Главкома Западного фронта Тимошенко, приблизительно от 14 июля 1941 г.) в распоряжение Лукина передавался 17-й механизированный корпус генерал-майора Петрова. Но Лукин так и не увидел этот корпус в районе Смоленска» (17).

Через несколько дней после выезда моего отца из Несвижа город был оккупирован, а в замке Радзивилла расположился со своим штабом немецкий генерал Гудериан, командующий 2-й танковой группой немецких армий «Центр». Об этом он пишет в своей книге «Воспоминания солдата». Его 2-я танковая группа 14 июля оккупировала родную деревню отца, а 15 июля – город Чериков. Эта группа в октябре 1941-го сомкнула кольцо окружения наших войск под Вязьмой, соединившись с 3-й танковой группой Гота. В Вяземском кольце остался отец...

Через 4,5 года после войны, в январе 1950-го, в Барановичах, родилась я. Мог ли отец в июне 1941-го предполагать, когда бомбили на глазах отца станцию Барановичи, что именно в Барановичах он начнет свою мирную семейную жизнь, а также карьеру железнодорожника,

что получит впоследствии награду «Почетному железнодорожнику»? Скажи ему об этом кто-нибудь тогда, в 1941-м, не поверил бы!

Михаил Николаевич Хромченко перед началом Великой Отечественной войны находился за несколько тысяч километров от Западной границы, в Забайкалье, в составе 16-й армии под командованием генерал-лейтенанта Михаила Федоровича Лукина.

Командующим 16-й армией Михаил Федорович Лукин был назначен в начале 1940 года, когда только что было принято решение о ее создании. Армия должна была дислоцироваться в приграничной полосе, чтобы в случае нападения Японии принять на себя первый удар. Лукин получил от Наркома обороны С. К. Тимошенко задачу – в кратчайшие сроки построить новый укрепленный район, надежно прикрывающий Читинское оперативное направление, и без промедления приступить к обучению войск умению вести боевые действия в современных условиях.

Среди сопок, недалеко от станции Борзя, была развернута защитного цвета палатка. Здесь размещались штаб и политотдел 16-й армии. С этой брезентовой палатки и начиналась ее жизнь.

25 мая Лукин встречал нового командующего войсками Забайкальского военного округа генерал-лейтенанта П. А. Курочкина, сменившего на этом посту генерала И. С. Конева. Генерал Курочкин остался доволен боевой подготовкой войск.

Неожиданно Лукин был вызван в Читу, в штаб округа. Приказ из Москвы гласил, что 16-я армия передислоцируется в другой округ. Командарму Лукину приказывалось взять боевое расписание войск и немедленно явиться в Генеральный штаб за получением указаний. Полковнику Шалину и дивизионному комиссару Лобачеву организовать отправку эшелонов. Приказ был неожиданным.

– Куда направляется армия? – спросил Лукин.

– На запад... Но конечный пункт не указан, – развел руками Курочкин. – Эшелоны отправлять ночью. Никто не должен знать об уходе армии. А вы, Михаил Федорович, спешите в Москву, там все станет ясно.

В Москве, в Генштабе, заместитель начальника Оперативного управления комбриг А. М. Василевский выслушал Лукина и вручил командарму папку с документами и картами Кавказа и Ирана. Согласно директиве Генштаба, 16-я армия должна была следовать в Иран. Когда план действий 16-й армии был разработан, Лукин доложил об этом начальнику Оперативного управления генерал-лейтенанту Ватутину, затем с планом ознакомился начальник Генерального штаба армии генерал армии Жуков, и все вместе пошли на прием к Наркому обороны. Маршал Тимошенко внимательно изучил план, разработанный Лукиным, и приказал ждать. Ждать вызова пришлось довольно долго.

– Обстановка меняется, – сказал нарком Тимошенко после возвращения из Кремля. – Ваша армия передислоцируется в Орловский военный округ.

Но не успел еще Лукин изучить эти документы, как Генеральный штаб поставил ему новую задачу: 16-я армия, не разгружаясь, перенацеливается на Украину, в Киевский Особый военный округ. В приказе были указаны и районы сосредоточения: Винница, Бердичев, Проскуров, Шепетовка, Изяславль, Староконстантинов. Лукину было приказано немедленно выехать в Киев, в штаб округа.

Штаб 16-й армии должен был разместиться в Староконстантинове, а Лукин отправился в Винницу, куда должны были прибыть части 5-го механизированного корпуса Алексеенко, в котором насчитывалось около 1300 танков.

С 26 мая 1941 года в район Проскуров, Хмельники, Шепетовка началась переброска войск 16-й армии, полное сосредоточение которых ожидалось с 15 июня по 10 июля 1941 года.

Командующие перебрасываемых на западное направление армий в июне были вызваны в Генеральный штаб и получили конкретные задачи для своих войск» (17).

«К 21 июня в движении находились войска 20-й и 22-й армий, выдвигаемые на территорию Белоруссии и России» (6, с.396–397).

«20-я армия (командующий – генерал-лейтенант Ремезов) была сформирована в мае – июне 1941 года на территории Орловского военного округа. В ее состав вошли 61-й, 69-й стрелковые и 7-й механизированный корпуса, 18-я стрелковая дивизия, другие воинские части.

Армия в июне 1941 года была переброшена в район Днепра, где заняла оборону на 125-километровом участке от Бешенковичей до Шклова, а 2 июля включена в состав Западного фронта» (6, с. 153).

На период с 22 июня по 2 июля 1941 г. подробными данными о судьбе 5-го механизированного корпуса генерал-майора танковых войск И. П. Алексеенко, в состав которого входила 13-я танковая дивизия, я не располагаю.

Вот какие сведения о периоде начала войны приводятся в книге «Командарм Лукин» В. Муратова и Ю. Городецкой (Лукиной):

«Обстановка на юго-западном направлении с каждым днем усложнялась. Первая танковая группа Клейста прорвалась на стыке наших 5-й армии генерала Потапова и 6-й генерала Музыченко. Клейст бросил в этот прорыв около 800 танков. Поддерживаемая большим количеством самолетов, эта танковая армада наступала через Сокаль, Луцк, Дубно, Радехов, Броды, Ровно. Здесь развернулось крупнейшее танковое сражение начального периода войны. Отчаянно дрались наши механизированные корпуса. Они не только оборонялись, но и переходили в контратаки.

Всей этой обстановки Лукин не знал из-за отсутствия связи. Он продолжал принимать прибывающие части и соединения своей армии в ожидании конкретных указаний штаба фронта. Но где же пятый механизированный корпус? Штаба 16-й армии нет. Командующий без штаба – не командующий.

А время идет. Совинформбюро передает сводки одну тревожнее другой. Когда же поведет он своих забайкальцев навстречу врагу?

Вскоре Лукин выехал в Шепетовку, где должен был выгружаться механизированный корпус генерала Алексеенко.

Соединения и части 16-й армии были укомплектованы техникой и оружием, наиболее современными по тому времени. Лукин понимал, что во взаимодействии с соединениями, действующими южнее 16-й армии, можно нанести серьезный урон врагу, оттягивая на себя войска противника, быстро продвигающегося в направлении на восток. Каково же было его удивление, когда, прибыв в Шепетовку, он увидел, что 17-я танковая дивизия полковника Корчагина не разгружается, а наоборот, грузится в эшелоны. Был получен приказ Ставки Верховного Главнокомандования о перенацеливании эшелонов с войсками шестнадцатой армии на Смоленское направление. Всем военным комендантам железнодорожных станций были сообщены номера эшелонов, которые приказано срочно повернуть в район Орши. Те части, которые разгружались в местах сосредоточения, было приказано погрузить вновь и отправлять по указанному маршруту.

А в Шепетовке между тем погрузка войск 16-й продолжалась. 5-й механизированный корпус почти весь ушел в район Орши и Витебска» (17).

В этот период корпус вывели из состава 16-й армии, переподчинив 20-й. Об этом пишет и Лукин в своих воспоминаниях о событиях на 8 июля, правда, не уточняя номеров подразделений, перешедших от него в 20-ю армию:

«Боевое крещение армия (16-я) еще в неполном составе получила в июньских боях с гитлеровцами под Шепетовкой, составляя резерв Ставки Главного командования. В это время

командование армии и части, которые находились еще в движении по железной дороге к району боевых действий, получили от Ставки приказ сосредоточиться в районе Смоленска. Соединения были переданы в 20-ю армию. Они уже вели тяжелые бои западнее Орши на Днепре. Мне сказали, что эти соединения передаются в другую армию временно, но я, конечно, понимал, что они в 16-ю больше не вернутся. Утешало одно: они в боях с ненавистным врагом покажут себя с самой лучшей стороны. Генерал-лейтенант Маландин информировал меня, что Ставка Главного командования приняла срочные меры для усиления фронта – сюда направлена 20-я армия ее резерва. Она прибыла из Орловского военного округа и теперь занимает оборону по Днепру в районе Орши» (2, с. 43–44).

Лукин же остался на Украине оборонять Шепетовку имеющимися силами.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков (1969 г.):

«Семь дней Лукин сдерживал превосходящие силы врага. Между прочим, в сводках того времени сражавшиеся под Шепетовкой наши части именовались «Оперативная группа генерала Лукина». Сейчас, спустя почти тридцать лет, хочется дополнить это служебное наименование и такими словами: великолепного советского полководца и поистине неустрашимого героя. Выиграть тогда у врага семь дорогих суток – это, конечно, было подвигом» (19).

Лепельский контрудар

«Развивая наступление на Лепельском направлении, немцы уже... 2 июля мощным артиллерийским огнем вынудили к отходу пограничный отряд, охранявший переправы в районе Березино (западнее Лепеля). 3 июля немецкая мотопехота форсировала Березину юго-западнее Лепеля, и к исходу дня он был оставлен. В район Лепеля вышли 7-я и 20-я танковые дивизии 3-й танковой группы Гота. От Лепеля немецкие танки направились к Полоцку и Витебску.

Этот район издавна получил наименование «Смоленские ворота». Действительно, здесь русло Днепра изгибается у Орши и словно пропускает идущие с запада полчища захватчиков на восток, к Смоленску. Изгиб Западной Двины также открывает путь для движения на восток без ее форсирования. Такой выгодный для наступления «коридор» был, безусловно, одним из наиболее вероятных направлений наступления германских войск. Для его защиты из Орловского военного округа выдвигалась 20-я армия генерал-лейтенанта Ф. Н. Ремезова. Вскоре его сменил 40-летний генерал-лейтенант П. А. Курочкин. «Смоленские ворота» как самое опасное направление должно было получить лучшие соединения для своей защиты, и оно их получило. Сюда был направлен 7-й механизированный корпус генерал-майора В. И. Виноградова из Московского военного округа, в нем служил сын самого Сталина – Яков Джугашвили» (1, с. 329–332).

Также в район «Смоленских ворот» выдвигался 5-й механизированный корпус генерал-майора танковых войск Алексеенко.

«В целом командарму-20 Курочкину и тогдашнему командованию Западного фронта нельзя отказать в разумности и последовательности планирования обороны («Смоленских ворот»). Более того, план начал реализовываться в первые дни июля 1941 г. 1-я моторизованная дивизия первой вступила в бой и сдерживала продвижение немцев под Борисовом и вдоль шоссе на Москву. К 4 июля дивизия уже была сбита с позиций на Березине, удерживать которые требовал план. Фактически она действовала отдельно от 7-го механизированного корпуса и подчинялась непосредственно штабу 20-й армии. Тем не менее локальную задачу сдерживания противника на подходе к основной линии обороны она выполнила. Исход оборонительного сражения за «Смоленские ворота» тогда еще не был очевиден. Ломать советскую оборону в отрыве от пехотных дивизий 3-й танковой группе было бы непросто...

Однако всем этим планам обороны «Смоленских ворот» не суждено было пройти проверку боем. 4 июля на Западный фронт в качестве командующего с сохранением своих основ-

ных обязанностей прибыл Народный комиссар обороны Маршал Советского Союза Тимошенко. Его назначение состоялось еще 2 июля. Наспех назначенный вместо арестованного Павлова, генерал Еременко стал заместителем нового командующего, Тимошенко и радикально сменил стратегию действий вверенных ему войск. Ранее основной идеей было удержание линии обороны пехотой с контрударами мехкорпусами из глубины. Тимошенко решил использовать мехкорпуса для разгрома подвижных соединений немцев перед строящейся линией обороны армий внутренних округов. Иными словами, новое командование Западного фронта решило нанести контрудар по подходящему с запада противнику. Цели и задачи войск фронта были обозначены в Директиве № 16, появившейся на свет поздним вечером 4 июля. Ее основную идею можно определить как стратегию «щита и меча». Щитом должна была стать оборона по реке Западная Двина и рубежи Бешенковичи, Сенно, Орша, Жлобин. «Мечом» становились 5-й и 7-й механизированные корпуса, нацеливавшиеся на лепельскую группировку противника. Ее силы тогда оценивались в две танковые и одну-две моторизованные дивизии. Также в директиве Тимошенко особо оговаривалось, что 5-й и 7-й мехкорпуса нужно использовать «во взаимодействии с авиацией». Кроме того, предполагалось усилить мехкорпуса отдельными частями 69-го стрелкового корпуса, посаженными на автомашины, и артиллерией. Если попытаться сформулировать идею Тимошенко одной фразой, то она будет звучать примерно так: «Дуэль подвижных соединений в пустом пространстве между пехотными корпусами».

Нельзя не отметить, что советское командование в данном случае правильно оценило наиболее опасное направление. Это была редкая для 1941 года дальновидность. 3 июля Гюнтер фон Клюге прямо сказал, что ожидает «более быстрый успех» именно в полосе наступления 3-й танковой группы Гота. Ни Гот, ни Клюге тогда еще не знали о готовящемся для них сюрпризе. В качестве времени перехода в контрнаступление командарм-20 Курочкин назвал 6.00 5 июля. Учитывая, что Директива № 16 была отправлена в 23.00, 4 июля, это давало всего несколько часов для выдвижения на исходные позиции.

Для разгрома прорвавшегося в район Лепеля противника штабом 20-й армии был разработан следующий план операции. 7-му мехкорпусу было приказано наступать из района Витебска в направлении на Бешенковичи – Лепель. Уже к исходу первого дня наступления он должен был выйти в район к северу от Лепеля, в дальнейшем нанести удар во фланг и тыл полоцкой группировки противника. 5-му мехкорпусу ставилась задача нанести удар в направлении Сенно – Лепель. К исходу первого дня операции предполагалось овладеть районом к юго-востоку от Лепеля, а в дальнейшем развивать удар на запад, на Глубокое и Докшицы. Общая идея контрудара была достаточно простой и очевидной. Два мехкорпуса били по сходящимся направлениям на Лепель. Далее 7-й мехкорпус поворачивал от Лепеля на север в тыл штурмующим Полоцкий УР (укрепрайон) немецким войскам. Поворот на север требовал защиты фланга, обращенного в сторону противника, подходящего с запада. Задача обеспечения фланга возлагалась на 5-й мехкорпус. После выхода к Лепелю он должен был развивать наступление дальше на запад, тем самым активно прикрывая действия своего соседа» (1, с. 335–340).

«Глубина ударов была определена для 5-го корпуса до 140 км: из района Высокое на Сенно – Лепель, для 7-го корпуса до 130 км: из района Рудня на Бешенковичи – Лепель» (1, с. 287).

«Боевой порядок 7-го механизированного корпуса генерал-майора В. И. Виноградова строился в один эшелон. Его составляли 14-я и 18-я танковые дивизии. 5-й механизированный корпус Алексеенко имел двухэшелонное построение. В первом эшелоне находились 13-я и 17-я танковые дивизии, а во втором – 109-я моторизованная дивизия. В двух механизированных корпусах к началу наступления имелось 1328 танков, из них только 57 КВ и Т-34. Остальной танковый парк составляли танки устаревших конструкций – БТ-7 и Т-26. Оба корпуса превосходили противника в танках, но он безраздельно господствовал в воздухе, так как у Западного фронта оставалось всего 253 боевых самолета. Противовоздушная оборона мехкорпусов

в связи с недостатком средств была слабой, в то время как немецкое командование сосредоточило на этом участке почти весь 2-й воздушный флот. Кроме того, боевые действия сильно осложнялись лесисто-болотной местностью, слабой поддержкой стрелковых войск и несвоевременным подвозом боеприпасов и горючего. И не случайно командующий 13-й армией генерал П. М. Филатов, находясь в штабе Западного фронта, высказал маршалу С. К. Тимошенко свои сомнения в целесообразности этого контрудара: «Без авиации и зенитных средств им (мехкорпусам) будет крайне трудно выполнить задачу. Да и бросить в наступление два танковых корпуса без авиационного прикрытия и поддержки в нынешней ситуации, по-моему, опрометчиво. Они под ударами вражеских ВВС, скорее всего, застрянут в межозерных дефиле и болотах под Лепелем».

Уже втянутой в бой 1-й моторизованной дивизии было приказано удерживать рубеж по реке Бобр и по особому приказу перейти в наступление в направлении на Борисов. Здесь, обеспечивая операцию двух механизированных корпусов с юга, дивизия Крейзера должна была захватить переправу через р. Березину. Для поддержки дивизии Крейзера ему был передан 115-й танковый полк из только что прибывшей с Украины 57-й танковой дивизии.

На 69-й стрелковый корпус (153, 229, и 233-я стрелковые дивизии) возлагалось прочное удерживание рубежа Витебск, Стайки с созданием сильной противотанковой обороны. Вместе с тем он должен был быть в готовности отдельными частями с артиллерией выдвигаться за 7-м механизированным корпусом.

61-му стрелковому корпусу (73-я, 18-я дивизии) было приказано прочно удерживать рубеж ст. Стайки, Шклов и быть в готовности отдельными частями с артиллерией тоже выдвигаться на запад, но за 5-м механизированным корпусом и 1-й мотодивизией. Одним словом, стрелковые корпуса получали задачу закреплять успех механизированных корпусов. Выделялась одна авиационная дивизия.

Не имея времени на согласование, командир 7-го механизированного корпуса, на свой страх и риск, откорректировал принятое сверху решение. 14-я танковая дивизия должна была наступать, как предписывал приказ командарма-20. Вторая (18-я танковая) направлялась по параллельному маршруту, южнее назначенного свыше. Она должна была наступать на Сенно, а далее – в район Лепеля. Тем самым обходила рубеж озер Сарро и Липно с юга. Кроме того, два соединения корпуса получали определенную свободу действий, каждое в своей полосе.

«Перспективы наступления 5-го мехкорпуса тоже были далеко не безоблачными. 5-й мехкорпус Алексеенко вступал в бой «с колес», точнее, из эшелона. Первоначально мехкорпус в составе 16-й армии перевозился из Забайкалья в Киевский особый военный округ. Начало перевозок в мирное время наложило отпечаток на формирование эшелонов. Ни один из них не был самостоятельной боевой частью. Смена направления перевозки привела к нарушениям очередности прибытия эшелонов. Изменение маршрута только усугубило и без того непростую ситуацию. Часть эшелонов не только успела прибыть на Украину, но и ввязаться в бой в составе так называемой группы Лукина. Так, из 43 эшелонов 13-й танковой дивизии 5-го мехкорпуса 5 эшелонов успели доехать до Бердичева. Батальон связи и разведывательный батальон так там и остались» (1, с. 340–346).

«Первые удары механизированные корпуса нанесли по врагу около 10 часов 6 июля. Действия 5-го механизированного корпуса в первый день наступления развивались успешно. Его соединения вышли в район Сенно, Красного Села, продвинувшись на 30–40 км. Во второй половине дня танковые и моторизованные части противника были вынуждены перейти к обороне. Немецкое командование срочно перебросило сюда 17-ю и 18-ю танковые дивизии из группы Гудериана. 7 и 8 июля бои продолжались с неослабевающей силой. Упорной обороной вражеские войска оказывали сильное противодействие наступающим частям. Перегруппировавшись, танковые соединения 9 июля нанесли новый удар по противнику, разгромили два его моторизованных полка, уничтожили четыре артиллерийские батареи и значительное коли-

чество противотанковых орудий. С целью отражения контрудара командующий 4-й немецкой танковой армией вынужден был перебросить 7-ю танковую дивизию из района Дисны и организовать оборону. Для срыва наступления советских механизированных корпусов фельдмаршал фон Бок приказал командующему 2-м воздушным флотом 8 и 9 июля сосредоточить основные усилия авиации в районе Сенно. В результате немецкая 17-я танковая дивизия после тяжелого оборонительного боя заняла Сенно. Важную роль сыграл и выброшенный в его район воздушный десант противника. Командование Западного фронта 9 июля докладывало в Ставку: «Подвижная группа 20-й армии, атаковав противника в районе Сенно, Бол. и Мал. Липовичи, разгромила два полка 27-й моторизованной дивизии, уничтожила тяжелую батарею, три легких батареи и пять орудий ПТО. Противник, оставив много убитых, отходит на запад, преследуемый 5-м мехкорпусом. В результате активных действий 5-го и 7-го мехкорпусов противник потерял более 300 танков, его попытки форсировать Днепр были сорваны. Это позволило укрепить оборону 20-й армии и обеспечило сосредоточение войск фронту. Однако выигрыш времени был достигнут дорогой ценой» (1, с. 107–109).

Забегая вперед на три года, не могу не отметить, что мой отец в ходе операции «Багратион» в составе передовых войск принимал участие в боях по окружению и разгрому вражеских группировок в городах Богушевск и Сенно, вошел в освобожденный накануне конно-механизированной группой город Сенно, прошел с боями далее на запад, почти теми же путями, что проходил его дядя Хромченко в 1941 году (в том числе Лепельский район). Михаил Хромченко оборонял «Смоленские ворота», а отец мой шел по ним в 1943–1944 годах с боями, очень жестокими причем, ведь «ворота» немцами за три года войны были хорошо укреплены руками местных жителей и военнопленных. Отец тем самым, даже не подозревая, отомстил за смерть своего родного дяди, Хромченко Михаила Николаевича. После войны он узнал в общих чертах о жизни Михаила Хромченко от второго дяди, Прокопа, но с Михаилом отец никогда не встречался, хотя детство провели они в соседних деревнях. И подробностей фронтовой жизни Михаила из родных не знал никто. Михаила и моего отца разделяла не только река Сож, но и река жизни, очень бурная в послереволюционное время...

Продолжу цитаты из книги А. Исаева:

«Здесь самое время вернуться немного назад и обратиться к судьбе 5-го механизированного корпуса. Хотя два мехкорпуса должны были вести наступление одновременно, в действительности операция распалась на два самостоятельных контрудара, разнесенных по месту и времени. Причина этого была довольно проста. При всей своей внешней привлекательности идея нанесения удара далеко впереди строящегося фронта обороны имела несомненные недостатки. Прежде всего, требовалось выдвинуть мехчасти вперед из глубины. Для этого требовалось горючее. Вечером 6 июля командир 5-го мехкорпуса доносил командующему 20-й армией: «5-й мк, наступая в направлении Лепель, попал в исключительно неблагоприятные условия: болотистая местность, ручьи, речки и непрерывный проливной дождь, размочивший почву, вследствие чего колесные машины, артиллерия сильно отстали». Части и соединения 5-го мехкорпуса в ночь с 6 на 7 июля и до вечера 7 июля заправлялись горючим, подтягивали тылы и приводили свои боевые машины в порядок. Колесные машины артполка 13-й танковой дивизии были остановлены разрушенным мостом в Обольцах. Танки с трудом еще могли пересечь заболоченный ручей и уйти вперед, а автотранспорт и тягачи артиллерии вытянулись перед ним в длинной пробке, ожидая его восстановления. За все эти задержки с заправкой танков пришлось заплатить дорогую цену. 6 июля немецкая 17-я танковая дивизия целиком собралась на дороге от Черей до Сенно. Заслон на пути 5-го мк становился все прочнее...

8 июля наступил момент истины для 5-го мехкорпуса. Он, наконец, должен был показать, на что он способен. Ранним утром, в 4.15, командир корпуса генерал-майор Алексеенко отдает приказ на наступление. Задачу дня он формирует так: «5-й мк во взаимодействии с 23-й ад

(авиадивизией) уничтожает противостоящего противника и к исходу дня 08.07.41 г. овладевает Лепелем». 17-я танковая дивизия (войск Красной Армии) должна была наступать вдоль железной дороги Орша – Лепель, 13-я танковая дивизия – двигаться параллельным маршрутом и атаковать Лепель с юга. Для выхода на исходные позиции танкистам 13-й дивизии нужно было пройти по достаточно протяженному маршруту днем. Походные колонны советских танков сразу же попали в поле зрения немецких летчиков. Немецкие пикировщики, разбив один танк на переправе, фактически перекрыли выход на поле боя для значительной части 25-го танкового полка. Через переправу прошел целиком только 1-й батальон, а 2-й батальон вышел в бой всего восемью машинами, успевшими пройти через роковой брод.

С 16.00 до 20.00 13-я танковая дивизия предприняла еще пять атак, но они лишь привели к большим потерям от огня противотанковой артиллерии немцев и успеха не принесли. В 20.00 наконец подошел батальон тяжелых танков (КВ и Т-34). Была предпринята последняя атака, но она тоже была совершенно безрезультатной. 25-й танковый полк дивизии потерял за день 27 танков, 26-й – 47, батальон тяжелых танков – 6 боевых машин. 25-й танковый полк понес меньшие потери, просто за счет того, что значительная часть его танков в бою попросту не участвовала. Они были заперты на лесной дороге удачным ударом Ю-87 в танк на броне. В 22.00 командир 13-й танковой дивизии приказал частям выходить из боя. Приказ касался всех, в том числе не дошедших до поля боя машин 25-го полка. В журнале боевых действий группы Гота указывалось: «12-я танковая дивизия прибыла как раз вовремя, чтобы исправить критическое положение на фронте правого соседа, 17-й тд, где противник прорвался на север. Однако запланированное на следующий день продвижение дивизии к Витебску было отложено из-за этого прорыва». Вот что докладывал в Ставку начальник управления боевой подготовки ГАБТУ генерал-майор А. В. Борзиков: «Потери у 5-го и 7-го мехкорпусов были большие. Сейчас 5-й у Орши и 7-й у Витебска и юго-западнее будет действовать во взаимодействии с пехотой. Противник применяет поливку зажигательной смесью, танки горят. Самые большие потери от авиации. Потеряно 50 % матчасти, и большая часть танков требует уже ремонта. Всего же за время контрудара оба корпуса потеряли 832 танка» (1, с. 109–110).

«8 июля в 18.00 последовал немецкий контрудар. Немецкие танки и мотопехота атаковали в южном и даже юго-западном направлениях. Тем самым они вышли в тыл успешно наступавшей ударной группировке 17-й дивизии 5-го мехкорпуса. К 21.30 8 июля в окружение попал вырвавшийся вперед мотострелковый полк дивизии с танковым батальоном и дивизионом артиллерии. 9 июля наступление 5-го мехкорпуса было приостановлено. Потрепанные дивизии были отведены назад и приводили себя в порядок. Одновременно готовился контрудар по деблокированию окруженного мотострелкового полка 17-й тд. Его предполагалось вывести из окружения в ночь с 9 на 10 июля, связь с окруженными установить не удалось. О том, что они живы, говорили только звуки боя, доносившиеся из глубины немецкой обороны.

На 10 июля 5-й мехкорпус получил задачу совместно с 7-м мехкорпусом ударить в направлении Бешенковичей. Однако к тому моменту уже приобрела реальные очертания угроза окружения корпуса. Колонны немецкой мотопехоты, двигаясь от Сенно на юг, вышли в район Оболыцы, фактически в тылу у 5-го мехкорпуса. Командир корпуса принял решение прорываться из окружения в ночь с 10 на 11 июля. В правую колонну входили 13-я танковая дивизия, управление корпуса и корпусные части. В левую – 17-я танковая дивизия. Прикрывал отход корпуса отряд 109-й моторизованной дивизии. Части корпуса оказались отрезаны от своих тылов, располагавшихся к востоку от дороги Сенно – Оболыцы. Если в условиях охвата и обхода воевать еще было можно, то без горючего и боеприпасов – увы, нет. Прорыв 5-го мехкорпуса из окружения начался в 22.00 10 июля. Прорыв под покровом темноты прошел в целом успешно. Сейчас можно констатировать: произошло это потому, что никакого прорыва немцы не ждали. Они опомнились только тогда, когда дорогу пересек арьергард 13-й танковой дивизии – 25-й танковый полк. Он был отрезан артиллерийским огнем. Попытка прорыва

с боем провалилась, во время этой отчаянной атаки погиб командир 25-го танкового полка полковник Муравьев. Он сгорел в подбитом танке. Также оказался отрезанным отряд 109-й мотодивизии. К середине дня 11 июля основные силы 5-го мехкорпуса вышли из окружения. Отряд 109-й мд и 25-й танковый полк 13-й танковой дивизии прорвались к своим 12 июля» (1, с. 365–372).

Не могу не перечислить и других ближайших родственников моего отца, участников Великой Отечественной войны.

Родные братья отца:

Петербурцев Степан Михеевич, 1905 г.р. – сын Прасковьи Николаевны Петербурцевой (Хромченко). Воевал под Брянском, Ворошиловградом, Новороссийском. Потерял ногу на Таманском полу-острове, вблизи города Темрюк, в сентябре 1943 года. Награжден орденом «Красная Звезда» и медалью «За боевые заслуги».

Петербурцев Егор Михеевич, 1914 г.р. – сын Прасковьи Николаевны Петербурцевой (Хромченко). Пропал без вести в августе 1944 г.

Двоюродные братья и сестры отца из рода Хромченко:

Аврамов Степан Ефимович, уроженец деревни Журавель. Сын Меланьи Николаевны Аврамовой (Хромченко). Вернулся живым.

Космачев Владимир Афанасьевич, 1919 г.р. – сын Анны Николаевны Хромченко, уроженец деревни Монастырек. Всю войну воевал на Ленинградском фронте, в том числе защищал «дорогу жизни». Умер в 1997 г. в Ленинграде.

Лукашенко Софья Галактионовна, 1917 г.р. – дочь Аксины Николаевны Лукашенко (Хромченко), уроженка деревни Ушаки. В июне 1941-го ушла добровольно на фронт, попала в окружение, вернулась в Ушаки и стала связной партизанского отряда Храмовича на Чериковщине. О ней написано в книгах «Зарево над Сожем» (стр.145–148, очерк «Еще гремела война») и «Памяць. Черыкаўскі раён. 1994 г.» (стр.393–394, очерк «У пачатку барацьбы»). Награждена медалью «За отвагу».

Смоленское сражение

В ряду наиболее важных сражений 1941 года является Смоленское сражение, длившееся с 10 июля по 10 сентября 1941 г.

«Перед советским командованием после взятия немцами Смоленска встала задача во что бы то ни стало прикрыть Ярцевское направление и не допустить продвижение танков противника в сторону Вязьмы, ибо это ставило под угрозу переправы в районе Соловьево и всю узкую горловину, через которую осуществлялось снабжение борющихся под Смоленском войск и выход их из окружения. В районе Соловьевской переправы действовал сводный отряд подполковника А. И. Лизюкова, состоявший из остатков танкового и механизированного полков, ранее принадлежавших 5-му механизированному корпусу. От корпуса осталось всего-навсего 15 танков. Прикрытие этого направления Ставка решением от 17 июля поручила группе генерала Рокоссовского, подчинив ему все части и соединения, отошедшие на Ярцевский рубеж. Из резерва в группу вошли 38-я стрелковая и 101-я танковая дивизии. Поначалу этим дивизиям была поставлена чисто наступательная задача: «Ударом из района Ярцево на Духовщину разгромить мотомехчасти противника и в дальнейшем развивать наступление на Смоленск». Как бы то ни было, но группа Рокоссовского в ожесточенных боях под Ярцево остановила 7-ю танковую дивизию, город неоднократно переходил из рук в руки...» (2, с. 396–397).

«Переверес в силах был явно на стороне противника. Сказались и неувязки в управлении войсками со стороны командования Западного фронта. 27 июля около командного пункта 16-й армии появились танки врага, прорвавшиеся из района Духовщины.

Отсечь немецкие танковые клещи, охватывающие Смоленск, и деблокировать войска 16-й и 20-й армий Тимошенко не удалось.

27 июля войска 3-й танковой группы фланговым ударом замкнули кольцо окружения восточнее Смоленска и овладели Соловьевской переправой. В окружение попали 12 советских дивизий. С тяжелыми боями остатки соединений прорывались из окружения и соединялись с главными силами фронта. Ликвидация Смоленского котла продолжалась до 5 августа» (2, с. 402).

Возможно, подполковник Михаил Николаевич Хромченко как раз в этом месте и погиб?

По данным Интернета, он числился на август 1941 г. в 15-й танковой бригаде. Если вспомнить рассказ его однополчанина подробнее, то во время переправы через Днепр Михаил оставался на западном берегу, на восточный он уже не вышел. И время совпадает с рассказом однополчанина – начало августа. Что же касается моего отца, то Соловьевскую переправу в мемуарах он также описывает. А вот был ли он там – не спросила.

Обращусь теперь к мемуарам отца:

«Из остатков нашей 36-й танковой дивизии была сформирована 75-я (?) мотострелковая дивизия и направлена на участок фронта севернее магистрали Минск – Москва в районе города Ярцева» (9).

Думаю, здесь память отца немного подвела, не случайно он поставил знак вопроса после номера дивизии. Мог он ошибиться и в номере армии, в которой в тот период воевал. В своих устных воспоминаниях отец говорил, что в 1941 г. его командармом был Курочкин. Как известно, Курочкин возглавлял 20-ю армию, а 6 августа, после боев в Смоленске и выхода из окружения в районе Соловьевской переправы, командующим 20-й армией вместо Курочкина был назначен Лукин. И командовал он ею до 12 сентября, после чего возглавил 19-ю. Если считать, что до Вяземского котла отец воевал в 20-й армии, тогда типом и номером его дивизии, скорее всего, была стрелковая дивизия номер 73, так как мотострелковые дивизии к тому времени, потеряв моточасти, были переименованы в стрелковые. А 73-я дивизия до начала августа воевала в тесном взаимодействии с 5-м мехкорпусом именно в 20-й армии. 16-й же армией в описываемый период командовал Рокоссовский.

Продолжу рассказ отца в подлинном варианте:

«В этот период, когда впервые советские войска организовали на Западном фронте наступательную операцию и окружили 7 немецких дивизий, немцы вынуждены были оставить свои наступательные устремления, и фронт здесь стабилизировался. Обе стороны стали в оборону до октября 1941 года. Весь период с начала войны и до 12 октября 1941 года я служил писарем 5-й части дивизии. Дивизия была включена в состав 16-й (?) армии (знак вопроса мой), которой командовал генерал-майор Лукин. Участок фронта 16-й армии левым крылом примыкал к автомагистрали Москва – Минск. По магистрали в тыл днем и ночью проходили автомашины, подвозя к фронту боеприпасы и продовольствие. Так было до начала октября. После взятия немцами Киева на Западный фронт Гитлер перебросил большое количество танковых дивизий и авиации для удара на Москву. Уже к концу сентября немецкая авиация начала усиленную разведку, днем, затем сплошным потоком пошли бомбардировщики на восток. По магистрали уже днем нельзя было проехать отдельным автомашинам без риска быть атакованными немецкими самолетами» (9).

Утром 2 октября перешла в наступление вся группа немецких армий «Центр».

Далее цитирую отца:

«А 12 октября на нашем участке немцы пошли в решительное наступление с целью разгромить противостоящие им на Западном фронте советские войска и захватить столицу нашей Родины Москву. Уже на третий день наступления немцы выбросили десант у г. Вязьма и окружили 16-ю, 19-ю и 20-ю армии. Начались тяжелые бои в окружении. Немцы бросили в

бой превосходящие силы танков и авиацию. Будучи в окружении, мы не видели совершенно нашу авиацию в воздухе. Нельзя было двигаться с обозами ни по шоссе, ни по проселочным дорогам без угрозы нападения немецкой авиации. 15–17 октября налеты немцев чуть утихли. В эти дни масса обозов (машин, повозок с ранеными) скопилась на дороге. В связи с туманом не появлялись в небе бомбардировщики. Имея полное господство в воздухе и большой перевес в танках, немцы уже к 12 октября 1941 г. взяли в кольцо основные силы Западного фронта в районе Вязьмы. Эта победа немцев внушала им надежду на возможность захвата Москвы, а вслед за этим надежду победоносно закончить войну на востоке.

В ночь с 12 на 13 октября генерал Лукин (командующий окруженной группировкой наших армий) отдал последний приказ артиллерии армии, включая дивизион «катюш», открыть огонь из всех стволов, а войскам армии попытаться вырваться из окружения. Но ожидаемого успеха эта попытка не имела, а больше ничего нельзя было сделать – снарядов больше не было» (9).

Так начиналась самая драматичная страница в жизни Петербурцева Анисима Михеевича. Вскоре он попал в центральный лагерь советских военнопленных на улице Кронштадтской в Вязьме (Дулаг-184). О своей жизни в лагере он также оставил воспоминания.

Я не буду приводить подробные выдержки из книги Виктора Муратова и Юлии Городецкой (Лукиной) «Генерал Лукин», поскольку лучше всего ее прочесть полностью. Из этой книги, основанной на воспоминаниях самого Михаила Лукина, можно узнать, как происходило окружение Вяземского котла, бои в нем и что было с окруженными дальше, в том числе и с ним самим. Я только приведу некоторые цитаты, из которых станет ясно, что могло бы произойти с Москвой и с нашей огромной страной, не будь героической борьбы с врагом внутри этого ужасного «котла». Об этом как-то забывается в современной исторической литературе, как и о самой фигуре Михаила Федоровича Лукина. Несмотря на его многочисленные награды, о нем мало пишется. А сам он о себе книги не написал, написала о нем его дочь уже через 20 лет после его смерти. И все же, я считаю, этого недостаточно. Он достоин и книг других авторов, а также документального и художественного фильма, какие созданы, например, о Жукове, Горбатове, Рокоссовском. А его трагическая и вместе с тем героическая эпопея в фашистских застенках, его непоколебимая стойкость? Вот на чем учить нужно молодое поколение, а не на американских боевиках. Боевики бледнеют против реальной жизни таких людей, как Лукин.

Значение Вяземского сражения огромно. Не будь боев по прорыву наших войск из «котла», не выстоять бы Москве.

«Еще перед войной Гитлер сказал: «Я не сделаю такой ошибки, как Наполеон, когда пойду на Москву. Я выступлю достаточно рано, чтобы достичь ее до зимы». Позже Гитлер заявил: «Это имя я уничтожу, а там, где находится сегодня Москва, я создам большую свалку». В приказе от 8 июня 1941 года предписывалось: «Москву и Ленинград сровнять с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов». Еще позже Гитлер высказался так: «В этот город не должен вступить ни один немецкий солдат. Москву следует окружить так, чтобы из нее не вышли ни русские солдаты, ни гражданское население. Будут приняты меры, чтобы затопить Москву и ее окрестности... Там, где сегодня Москва, возникнет огромное озеро, которое навсегда скроет столицу русского народа» (17).

По мнению Конева, на «Можайском рубеже и в окружении под Вязьмой наши войска своим упорным сопротивлением задержали на 8–9 дней вражеские ударные группировки и обеспечили время для проведения необходимых мероприятий по дополнительному усилению обороны Московского направления». Также и многие российские и немецкие историки полагают, что задержка с ликвидацией вяземской группировки оказалась для вермахта роковой и не позволила взять Москву. Попавшие в окружение советские войска продолжали оказывать упорное сопротивление, сковав 28 вражеских дивизий. 14 из них не смогли освободиться до середины октября, что позволило советскому командованию выиграть время для организа-

ции сопротивления на Можайской линии обороны (см. История Второй мировой войны 1939–1945 гг., т.4, с. 95.)

Глава 2. Отец в окружении и в плену

Из статьи М. Ф. Лукина «В Вяземской операции». Военно-исторический журнал № 2, 1981 г.

«Вяземская операция (2–13 октября 1941 г.) была одной из самых напряженных и тяжелых на дальних подступах к Москве. В августе – сентябре в центре советско-германского фронта противник перешел к жесткой обороне и накапливал силы для решающего удара на столицу. Мы тоже восстанавливали боеспособность войск, получали пополнение и изучали опыт летних боев. Командующий Западным фронтом Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко не оставлял мысли освободить Смоленск от фашистов и разгромить смоленскую группировку врага. Весь август и половину сентября армии Западного фронта, обороняясь частью сил, вели наступательные бои. В этих боях наибольшего успеха добилась 19-я армия генерал-лейтенанта И. С. Конева, которая продвинулась на запад до 20–25 км, уничтожила 4000 вражеских солдат и офицеров и взяла в плен 100 человек, захватила 94 орудия разных калибров, 86 танков и сбила 7 самолетов. Она помогла выйти из окружения более 1500 красноармейцам и командирам с большим обозом. Не менее успешно вели боевые действия части 24-й армии генерал-майора К. И. Ракутина. Они освободили Ельню, нанеся большой урон противостоящему противнику. Однако эти бои показали, что имеющимися силами и средствами наступать бесполезно, так как части и соединения после Смоленского сражения (см. ВИЖ 1979 № 7) еще не успели пополниться (в полках насчитывалось от 300 до 400 человек). Пополнение приходило необстрелянное и не всегда в должной мере обученное. Снарядов и мин подвозилось мало. Противник перед войсками фронта строил оборону, создавая ротные опорные пункты с большими промежутками между ними, которые брались под перекрестный минометный и пулеметный огонь. На главных направлениях нашего наступления он закапывал танки в землю, используя их как неподвижные огневые точки, широко проводилось противопехотное и противотанковое минирование местности.

В первые дни войны фашисты в леса войска не вводили, а располагали их в населенных пунктах. Теперь же наблюдалась иная картина: в деревнях, селах и городах они оставляли столько войск, сколько требовалось для обороны, остальные размещались в лесных массивах, где деревья оплетались колючей проволокой. На открытой местности строились проволочные заграждения и разбрасывались малозаметные препятствия. Окопы отрывались полного профиля с ходами сообщения и блиндажами. Широко применялись дерево-земляные огневые точки.

Мы, к сожалению, все еще придерживались прежней линейности в обороне, стараясь занять всю местность. Это объяснялось, в частности, тем, что к концу августа и в сентябре мы потеряли много кадрового офицерского состава. На их должности приходилось назначать сержантов или лучших красноармейцев, получивших боевой опыт. Они, естественно, еще не обладали качественными знаниями командиров взвода (роты, батальона). Кроме того, Ставка ВГК приказала откомандировать в тыл лучших средних командиров в новые формирования и для обучения резервов. Это важное и нужное мероприятие все же отразилось на боеспособности фронтовых частей. Но оно было своевременным и очень полезным и способствовало в дальнейшем разгрому гитлеровских войск под Москвой.

12 сентября командующим Западным фронтом назначили генерал-полковника И. С. Конева. Его 19-ю принял я, 16-ю – генерал-майор К. К. Рокоссовский, 20-ю – генерал-лейтенант Ф. А. Ершаков, 22-ю – генерал-майор В. А. Юшкевич. Надо сказать, что перемещение командного состава в период боев вряд ли было целесообразным, т. к. командующие зачастую не успевали тщательно изучить обстановку и своих подчиненных.

В середине сентября мы получили сведения: противник подтягивает большое количество танков и артиллерии в район Духовщина – Смоленск – Рославль. Стало очевидно, что он скоро перейдет в наступление, превосходя нас в силах и средствах на направлении действий своей главной группировки (по людям в 3,2 раза, по танкам – в 8,5, по орудиям и минометам – в 7 раз).

К 1 октября Западный фронт занимал оборону на главном Московском направлении с задачей не допустить прорыва врага к Москве. Выполняя требования Ставки о переходе к жесткой и упорной обороне, войска готовились к отражению ударов противника. Однако армии в силу большой ширины полосы обороны фронта (340 км) были вытянуты в линию. Они имели по одной дивизии в резерве, а поэтому создать глубоко эшелонированную оборону не могли, да и командующий фронтом в своем распоряжении имел сравнительно небольшие резервы (3 стрелковые и 2 мотострелковые дивизии).

Немецко-фашистская группа армий «Центр», как мы теперь знаем, насчитывала 1700 танков и свыше 19 тысяч орудий и минометов. Ее действия поддерживались 2-м воздушным флотом (более 1 тыс. самолетов). Вражеская авиация превосходила нашу не только количественно, но и качественно. Самолеты «Юнкерс-88», «Фокке-Вульф», «Мессершмитт» и другие были маневреннее советских, превышали их в скорости и имели лучшее вооружение. Как же выглядел наш Западный фронт, который считался в то время самым сильным? Вот что пишет об этом маршал И. С. Конев: «У нас было 479 танков (из них современных всего 45 единиц), 1524 орудия и 733 миномета. Авиация фронта имела: истребителей (старых образцов) – 106, бомбардировщиков ТБ-3 и СБ-63, дневных бомбардировщиков ТУ-2, СУ-2–4, штурмовиков ИЛ-2 – 8. Особый недостаток войска ощущали в зенитной и противотанковой артиллерии» (ВИЖ, 1966 № 10, с.6).

Командующий Западным фронтом еще 20 и 26 сентября предупреждал о готовящемся наступлении противника. Ценные сведения приносили разведчики 19-й армии, набранные из местных жителей, которые хорошо знали свою округу. Трех из них добровольцев-комсомольцев Вячеслава Макурова, его двоюродного брата Анатолия и Филиппа Платонова направил к нам Ярцевский горком партии. Всего в группу разведчиков входило 15 человек. Возглавлял ее Вячеслав Макуров. Наиболее находчивыми и смелыми зарекомендовали себя Николай Кузнецов, Николай Прыгулин, Петр Лиходед, Зина – учительница Гавриловской школы Ярцевского района, Настя – совсем еще девочка, уроженка села Вознесенское Духовщинского района. Они много раз ходили в тыл противника и приносили очень ценные сведения.

В конце сентября разведчики доложили о сосредоточении большого количества войск, танков и артиллерии в районе Духовщины. Враг готовился к наступлению. В течение второй половины сентября он активизировал наступающие действия в полосах обороны 30, 19, и 16-й армий, нащупывая наши слабые места, выясняя систему обороны, и особенно расположение артиллерийских позиций. В процессе непрерывных атак противника на разных участках 19-й армии выявились положительные и отрицательные стороны как в системе обороны, так и в действиях наших войск. Штаб и политотдел армии изучали этот опыт, делали обобщения и доводили до частей и соединений.

В целях маскировки основных артиллерийских огневых позиций было приказано для батарей и дивизионов иметь по 2–3 запасные, назначить от каждой батареи кочующие орудия, ведущие огонь по гитлеровцам с разных позиций. На случай перехода их в общее наступление спланировали артиллерийскую контрподготовку.

В штабе армии отработали все варианты ведения оборонительной операции. Особое внимание обращалось на взаимодействие всех родов войск. Для бесперебойного управления ими организовывалась кольцевая связь, обеспечивавшая управление боем на случай прорыва противника в глубину обороны. Были разработаны радиосигналы, и от дивизии при штабе армии находилось по два офицера связи с картами, в распоряжении которых имелись машины и мото-

циклы. Кроме того, при штабе армии был кавалерийский эскадрон. Его также использовали для связи с частями и соединениями.

Забегая вперед, хочу отметить роль офицеров связи в тот период, когда проводная связь часто нарушалась. От командиров дивизий в штаб армии прибывали офицеры. У каждого была карта, на которой я намечал задачи соединению, ставил свою подпись. Такая карта являлась руководящим документом. Организовывали связь по радио. Но дивизионные радио-станции работали тогда по техническим причинам очень плохо. К тому же укоренилось мнение, что работающую рацию противник запеленгует и сейчас же разобьет, поэтому командиры старались не прибегать к радиосвязи, чтобы не лишиться ее окончательно. Вот почему делегаты связи из дивизий в армию и из армии в дивизию делали очень большое дело. Я склонен оценить успешные их действия как фактор устойчивого управления, благодаря которому армия оставалась целой, нерасчлененной до самого последнего сражения, до 13 октября.

Со второй половины сентября офицеры штаба и инженерных частей проверяли ход обородования позиций. Почти всюду были вырыты окопы полного профиля с ходами сообщений. На танкоопасных направлениях устанавливались мины, а там, где возможно, рылись эскарпы и противотанковые рвы. Строили блиндажи и козырьки для огневых точек. К великому сожалению, инженерного имущества и мин было мало.

В ночь на 2 октября в войска завезли большое количество боеприпасов, горючего, продовольствия и инженерных средств.

Как стало известно из опубликованных после войны документов, немецко-фашистское командование 6 сентября директивой № 36 поставило перед группой армий «Центр» задачу: по возможности быстрее и не позднее конца сентября перейти в наступление и уничтожить советские войска, находящиеся восточнее Смоленска путем двойного охвата в общем направлении на юг Вязьмы.

16 сентября командующий группой армий «Центр» направил в войска директиву о непосредственной подготовке армий к наступлению на Москву. В связи с приближением зимы гитлеровцы форсировали приготовление с расчетом перейти в наступление не позднее начала октября. 9-я и 4-я армии с оперативно подчиненными им 3-й и 4-й танковыми группами должны были перейти в наступление, чтобы каждая из них, имея сильные ударные группировки, состоящие из танковых, моторизованных и пехотных соединений, смогла прорвать оборону по обе стороны дорог Рославль – Москва и севернее автостреды Смоленск – Москва и уничтожить зажатые между ними советские войска.

Рано утром 2 октября началась короткая, но мощная артиллерийская и авиационная подготовка противника на всю глубину обороны 19-й и соседней с нею армий. Вражеская авиация, идя волнами с большим количеством самолетов в каждой, обрушила свой смертоносный груз на передний край, артиллерийские позиции и войска, находящиеся в глубине обороны вплоть до тылов фронта. Штаб фронта также подвергся воздушному мощному налету. Вслед за этим танки и пехота противника, прикрываясь дымовой завесой, перешли в атаку. На четыре наших дивизии наступало 12 вражеских, в их числе 3 танковые (415 машин) и одна мотодивизия.

Противник нащупал стык 30-й и 19-й армий севернее Ярцево и в него вбивал клин танками и мотопехотой. В результате образовался глубокий разрыв между этими армиями шириной до 30–40 км. Сюда лавиной двинулись гитлеровские подвижные войска. Следует отметить, что в приказах командования всегда указывалось особое внимание обращать на стыки соединений и частей и назначались ответственные за их оборону. И все же почти всегда это место оказывалось самым уязвимым и у нас, и у врага.

Второй удар группы армий «Центр» наносился 4-й полевой армией с приданной ей 4-й танковой группой по 24-й и 43-й армиям восточнее Рославля. После ожесточенного боя противнику удалось прорвать фронт в стыке этих объединений, куда также устремилась страшная лавина танков, артиллерии и моторизованной пехоты.

Личный состав Резервного фронта (из народного ополчения) имел крепкий моральный дух, но был плохо вооружен, недостаточно хорошо обучен и несплочен. В силу этих причин превосходящим силам фашистов быстро удалось взломать оборону дивизий первого эшелона, расчленив их и быстро продвинуться на восток.

19-я армия весь день вела ожесточенный бой. Обе стороны несли большие потери. На участках 91, 89 и 50-й стрелковых дивизий в отдельных местах противнику удалось потеснить наши части в предполье. Но до главной линии обороны враг не был допущен, лишь правофланговая 244-я стрелковая дивизия в ночь на 3 октября отошла на основной рубеж, загнув правый фланг на север, и ее 913-й стрелковый полк оказался отрезанным от основных сил.

Выручая его, отличился 907-й мотострелковый полк той же дивизии под командованием полковника М. Я. Усанова. Отражая атаки превосходящих сил пехоты с танками при непрерывном воздействии вражеской авиации, он неоднократно атаковал. Таким образом, 913-й стрелковый полк был деблокирован и соединился с остальными частями. В этом бою погиб смертью храбрых полковник Усанов. Он лично возглавлял контратаку, выручая своих товарищей.

30-я армия генерал-майора В. А. Хоменко на правом фланге отбила все атаки противника, а левым под натиском превосходящих сил отходила в восточном направлении. В 16-й армии также шел сильный бой. Ее командующий генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский сообщил, что части 16-й и 20-й армий отбили все атаки гитлеровцев.

Для восстановления положения 30-й армии из резерва фронта ей была передана 107-я мотострелковая дивизия. Но и она не смогла остановить врага, да и мероприятие это оказалось запоздалым. Генерал И. С. Конев 3 октября выдвинул в район станции Вадино оперативную группу под командованием своего заместителя генерал-лейтенанта И. В. Болдина. В нее вошли 126-я, 152-я стрелковые дивизии, 101-я мотострелковая дивизия, 126-я и 128-я танковые бригады, которые совместно с частями 30-й армии должны были встречным ударом остановить прорвавшихся фашистов и уничтожить их. Эти соединения находились на сравнительно большом удалении друг от друга и их удар не был согласован по времени. Группе удалось задержать противника на какое-то время, но остановить, а тем паче уничтожить его она не смогла, т. к. понесла большие потери. В образовавшийся разрыв между 30-й и 19-й армиями (30–40 км) ввели 45-ю кавалерийскую дивизию, которая вошла в мое подчинение.

Борьба в полосе армии продолжалась до 2–5 октября. Противник местами вклинился в наше расположение, но основная позиция по реке Вопь оставалась за нами. Связи с соседом справа я уже не имел, с комфронтом ее поддерживал через офицеров связи по радио. Проводной связи уже не существовало. 4 октября мы получили приказ командующего фронтом, поощряющий действия 19-й армии, призывающий равняться другим на нас.

Шли кровопролитнейшие бои. Под Смоленском тоже было жарко, но такого количества танков и авиации противник там не применял. Танки наступали волнами, и к исходу первого дня сражения наши бойцы и командиры увидели множество подбитых вражеских танков и трупов гитлеровцев, валявшихся перед нашими окопами, они почувствовали новый прилив сил. Стало очевидно, что фашистов бить можно.

Большую роль в оказании помощи и поднятии морального духа войск имело то, что офицеры и политработники штаба армии всегда в нужный момент находились в войсках. Армейские и дивизионные газеты выходили оперативно. Выпускались к исходу каждого дня и газеты «молнии» с описанием боя. В них были фамилии отличившихся воинов.

4 и 5 октября танки и моторизованные части противника захватили Спас-Деменск и Киров, получив возможность выйти в тыл войскам Западного фронта. Стало ясно: противник подвижными войсками берет в клещи 19, 16 и 20 армии, оперативную группу Болдина, а также 32-ю и 24-ю армии Резервного фронта. 4 октября командующий Западным фронтом доложил Верховному Главнокомандующему о положении войск фронта, но И. В. Сталин сразу решения не принял, и связь прервалась. Тогда И. С. Конев позвонил маршалу Б. М. Шапошникову,

который обещал доложить Ставке сложившуюся обстановку. В этот день ответа на просьбу отвести войска не последовало, самостоятельно же командующий фронтом решение на отход принять не мог.

Только 5 октября было приказано отвести войска. К исходу этого дня 19-я армия получила приказ отойти на рубеж реки Днепр. Отход предстояло согласовать с 20-й армией, находившейся слева, и с группой Болдина. В Вадино я встретился с И. В. Болдиным. Его группа понесла большие потери в живой силе и технике.

В ночь на 6 октября армия начала отход, прикрываясь арьергардами. Часть войск отводилась и занимала новый рубеж, остальные перекатом переходили его, оставляя первых в арьергарде.

При подходе к Днепру стало известно, что противник с ходу прорвал фронт 32-й армии и 220-й и 18-й стрелковых дивизий народного ополчения, отбросив их на восток, части дивизии отошли соответственно на Сычевку и к Гжатску. Связь с армией они потеряли.

С высоты восточного берега Днепра местность просматривается на 15–20 км. Рубеж имел развитую систему обороны, подготовленную соединениями 32-й армии Резервного фронта. У моста, на шоссе и железнодорожной линии стояли морские орудия на бетонированной площадке. Их прикрывал отряд моряков (до 800 человек). Конечно, противник об этом знал и не пошел на них, а прорвал оборону севернее. Таким образом, уже не имело смысла останавливаться на этом прекрасном рубеже обороны, т. к. противник замкнул клещи восточнее Вязьмы 3-й танковой группой со стороны Духовщины и 4-й танковой группой со стороны Рославля.

7 октября противник прорвался к Вязьме с севера и юго-востока, и в окружение попали 19, 20, 24, 32-я армии и группа генерала И. В. Болдина. Военный совет фронта подчинил все эти войска мне и приказал организовать их прорыв и вывод из окружения. (*В состав 20-й армии входили соединения 16-й*). Надо сказать откровенно, это большое доверие не только меня не обрадовало, но и очень огорчило. Я знал, что все эти войска понесли значительные потери как в людях, так и в материальной части, снаряды, горючее, продовольствие было на исходе, все медицинские учреждения были переполнены ранеными, медикаментов и перевязочных материалов оставалось мало.

Мы все уже знали, что находились в окружении. Отрадно было то, что моральное состояние войск оставалось высоким, все горело желанием продолжать бой, прорваться и вновь драться с ненавистным врагом. Я понимал, что пред нами стоит трудная задача – прорвать кольцо окружения из танковых и механизированных частей, при этом суметь удержать фланги прорыва с тем, чтобы войска вторых эшелонов могли воспользоваться ими. Для этого нужны крепкие нервы, мужество и самопожертвование.

Враг все более сжимал кольцо окружения. Мы не имели возможности никак маневрировать. Тогда я решил наступать тремя колоннами, но ни одна из них прорваться не смогла. Тут мы окончательно убедились, что создалось тяжелое положение.

Перед началом наступления противника в армии было достаточно артиллерии, но имелось всего два зенитных дивизиона, которые не могли прикрыть войска на главном направлении. Вражеская авиация наносила удары почти безнаказанно. К моменту окружения у нас было всего два боекомплекта снарядов. Накануне я приказал сосредоточить основную их массу в частях. Это помогло держаться войскам на занимаемых позициях. Кроме того, мы сумели вывезти на машинах еще два боекомплекта с фронтовых складов.

Связавшись по радио с Ф. А. Ершаковым (*командующий 20-й армией в тот период*), мы договорились о совместных действиях по выходу из окружения. Я информировал его о том, что буду прорывать кольцо севернее Вязьмы силами двух дивизий 32-й армии. Но одну из них командующий Резервным фронтом маршал С. М. Буденный отозвал, а вторая под ударами обходящего противника была рассеяна. Я созвал всех командиров и комиссаров дивизий и поставил их в известность о том, в какое тяжелое положение мы попали, и сказал, что про-

бьется только тот, кто будет настойчиво, энергично и смело действовать в бою, руководствуясь девизом: «Сам погибай, а товарища выручай».

Неоднократно до 11 октября нами предпринимались попытки прорыва, но успеха они не имели. Вновь собрал всех командиров и комиссаров дивизий и сообщил, что наше положение значительно ухудшилось. Сил мало, патроны на исходе, продовольствия нет, питались тем, что могло дать население.

Окружив нас, гитлеровцы вели тактику выжидания, сохраняя живую силу и средства. Они чувствовали, что снаряды не сегодня-завтра у нас кончатся, и лишь отбивали наши попытки выйти из окружения. Удавалось им это с большим трудом, о чем свидетельствует радиограмма, переданная открытым текстом командирам 7-й танковой дивизии Функа. В ответ на запрос, почему дивизия не идет на Москву, он сообщал, что командир 19-й армии русских также рвется к Москве и что его части едва удерживают прорыв. Вот здесь-то и надо было проколоть, нанести удар, но боеприпасов было совсем мало.

12 октября я вызвал командиров на последнее совещание. Приказал собрать все имеющиеся снаряды, остался у нас последний залп гвардейских минометов. Назначил в прорыв 2-ю стрелковую дивизию народного ополчения, еще не потрепанную в боях. Ее командир генерал-майор В. Р. Вашкевич был грамотный генерал. У него в подчинении находился еще отряд моряков из 800 человек. Назначил в прорыв и 91-ю стрелковую дивизию сибиряков.

Сообщил командующему фронтом Б. М. Шапошникову в Ставку ВГК о том, что в такое-то время, собрав все снаряды всей артиллерии и дав последний залп «катюш», буду прорываться в направлении Гжатска на Богородицкое. В случае неудачи буду прорываться к 20-й армии для совместных действий.

У генерала В. Р. Вашкевича, на которого я возлагал все надежды, в тот момент возникли возражения в отношении сроков и быстроты ввода дивизии в бой, и мне пришлось убеждать его в том, что дорог каждый час и что если сегодня мы не уйдем в прорыв, завтра противник сомнет нас, т. к. стрелять будет нечем. Мы попрощались, пожали друг другу руки, и он ушел.

Организовать прорыв надо было тщательно, каждому командиру поставить определенную задачу. Но все делалось наскоро, мы торопились, понимая, что завтра будет поздно.

Мы ждали наступления темноты, чтобы противник не смог обнаружить нашего маневра и места скопления войск. Я указал дивизиям фронт прорыва шириной примерно 6–7 км. Место для выхода из окружения выбрали болотистое, на котором танки не смогли бы маневрировать (7-я танковая дивизия врага располагалась непосредственно перед армией). Началась артподготовка, дали залп «катюш», дивизия пошла в атаку и прорвала кольцо окружения. Ко мне стремительно вбегает командир 91-й стрелковой дивизии полковник И. А. Волков:

– Товарищ генерал! Прорыв сделан, дивизии уходят, выводите штаб армии!

Немедленно доношу об этом в штаб фронта. В прорыв вводится артиллерия, подтягиваются другие соединения. И. А. Волкову я сказал, что лично выходить не буду, пока не пропущу все, или хотя бы половину войск.

– Идите, выводите свою дивизию, держите фланг.

Он не успел догнать свое соединение. Кольцо окружения замкнулось вновь. Предположили, что противнику удалось подвести к месту прорыва свежие силы и закрыть прорыв.

Тот, кто был в окружении и оказался в таком положении, как и я, поймет мое душевное состояние. Нет, моральные силы не были надломлены, сила воли не поколеблена, но я понимал всю тяжесть положения и ничего сделать не мог. Вновь собрал командиров и комиссаров. Они, очевидно, ждали от меня чуда. Ну а чудес, как известно, не бывает. К горлу подступил комок. Какие слова найти? Чем помочь им? Потом, взяв себя в руки, сказал:

– Товарищи, положение безвыходное. Противник сосредоточил все свои силы на восточном направлении и видит, что мы рвемся только на узком участке. Если же мы будем про-

рываться южнее Вязьмы в направлении 20-й армии, то обязательно прорвемся. Приказываю выходить отдельными группами.

13 октября войска армии начали разделяться на отдельные группы для самостоятельного выхода. Предварительно я спросил, все ли орудия взорваны, машины сожжены и конский состав уничтожен. Мне доложили, что первое и второе выполнены, а на то, чтобы уничтожить конский состав, ни у кого рука не поднялась. Коней распустили по лесу.

Выходили группами. Со мной было около 1000 человек из штаба армии и из разных частей, вооруженные только винтовками, автоматами и пистолетами. Многие прорвались и вышли в полосу 20-й армии юго-западнее Вязьмы» (17).

14 октября 1941 года при выходе из окружения Лукин был тяжело ранен и попал в плен. Там ему ампутировали правую ногу. Враги пытались склонить Лукина к измене Родине. Но он не поддавался провокации. Тогда его бросили в лагеря смерти, где Михаил Федорович продолжал мужественно и достойно держать себя. Освобожден из плена в мае 1945 года. В отставке с ноября 1946 г. Скончался 25 мая 1970 года.

Награжден орденом Ленина, пятью орденами Красного Знамени, орденом Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды.

Продолжу воспоминания своего отца, Петербурцева Анисима Михеевича:

«На 4-е или 5-е сутки окружения был пасмурный, очень туманный день, на дороге скопилась масса обозов. Немецких самолетов в воздухе не было, только однажды на низком, бреющем полете прошли над нашими головами два советских самолета-истребителя. Чувствовалось, что мы находимся не так уж далеко от нашего переднего края. Но никто не знал обстановки.

Группа офицеров тыловых и штабных подразделений нашей дивизии, в том числе и начальник 5-й части штаба капитан Савостьянов, вооруженный автоматом, пошли в голову колонны. Мне и шоферу нашей полторки Савостьянов приказал оставаться пока на месте до его возвращения. Прошло не менее 4 часов... Стемнело. Капитана Савостьянова мы так и не дождались. Все – и солдаты и офицеры нашей части – спрашивают встречных: «Какая обстановка?» Однако обстановки никто не знал. Некоторые офицеры скомплектовали из солдат отдельные группы прорыва. Мы вынуждены были бросить грузовик, предварительно испортив мотор. Вместе с шофером мы также примкнули к одной из групп, которую формировал один капитан. Группа образовалась в количестве 15–20 человек – ездовых, шоферов и др. Капитан проинформировал нас, что впереди небольшой заслон немецких пехотинцев, который можно ночью, в темноте, пользуясь внезапностью, прорвать и уйти к своим. Мы начали двигаться в сторону возможной линии фронта. Никакой стрельбы не было слышно. Вдруг навстречу нам идет полковник. Командир нашей группы обращается к нему:

– Товарищ полковник! Какая обстановка?

– Ничего я, товарищи, не знаю – отвечает тот. – Да и никто из ближайших военачальников не знает обстановки.

Тогда наш командир группы растерялся. Видит, что он ввел нас в заблуждение. Группа постепенно рассеялась. Ночь прошла в тревоге. К утру неподалеку стали слышны выстрелы и шум танковых моторов. Вновь началась организация отдельных групп прорыва. Откуда-то появился советский танк Т-34. Вслед за танком устремились несколько групп прорыва. Однако на попытку прорвать кольцо немцы ответили сильнейшим артиллерийским и пулеметным огнем. Атака захлебнулась. Слышны были только крики раненых о помощи. Я был легко ранен, санитарка перевязала мне руку. После туманного предыдущего дня последующее утро было ясным и солнечным. Обнаружив скопление остатков обозов, немцы открыли из танков сильный артиллерийский и пулеметный огонь. Чувствуя, что наши огневые средства незначительны, немцы начали танками теснить и, в конце концов, окружили наши осла-

бевшие и разрозненные группы. А к 12 часам дня скопившиеся остатки наших частей были загнаны в небольшой лесочек на горке. Израсходовав боеприпасы, мы вынуждены были прекратить сопротивление. За 1–1,5 часа до этого я еще в последний раз видел проезжавшего вдали на легковушке начальника штаба нашей армии...» (9).

Привожу главу из мемуаров отца «Мое пребывание в немецком плену»:

«Окружив нас, немцы выстроили всех в колонну. Пересчитали, записали, сколько офицеров и каких званий в колонне. Затем один из немецких офицеров (видимо, в чине полковника) спросил:

– Какие будут вопросы?

Один из наших офицеров, майор, легко раненный в руку, спросил:

– Как насчет питания?

Немецкий офицер ответил, что этим вопросом немцы сейчас не занимаются. Видно, наш майор не представлял, как и мы все, как бесчеловечно немцы обращаются с военнопленными. Если он остался в живых, то впоследствии узнал, насколько наивен он был, спрашивая немцев насчет питания.

К середине ноября 1941 года в немецком плену оказалось около 3 миллионов советских военнопленных. Большинство из них погибло зимой 1941/42 годов в лагерях. Упоенные победами, немцы бесчеловечно относились к нашим воинам. В этом я сам убедился, находясь в плену зимой 1941/42 годов в лагере военнопленных в городе Вязьма Смоленской области.

Выиграв в августе – сентябре 1941 г. сражение на Юго-Западном фронте и взяв Киев, а вслед за этим одержав крупную победу на Западном фронте в октябре – ноябре 1941 г., Гитлер объявил, что скоро захватит Москву, а в ближайшие месяцы закончит войну на востоке. Ему грезилось в ближайшем будущем мировое господство на тысячу лет и райская жизнь арийской нации. Питая надежду на легкую победу, немцы сделали все, чтобы уморить голодом и холодом побольше «русских Иванов».

В первой половине зимы 1941 г. при виде пленных русских солдат немцы кричали:

– Москва капут! Сталин капут!

Когда же под Москвой они получили достойный отпор и эшелоны обмороженных немецких солдат устремились в тыл, победоносный пыл и крики «Москва капут!» значительно уменьшились. Но от этого нашим пленным легче не стало. Нашу колонну военнопленных сопровождал достаточно сильный немецкий конвой. В первые день и ночь нас сопровождали также два немецких танка. Первую ночь по дороге в Вязьму, куда нас вели, мы провели в открытом поле. Колонна была остановлена посреди поля, подальше от леса, и с четырех сторон освещена светом от танков. В Вязьму мы шли в общей сложности трое суток. Никакой речи о питании. Питались тем, что имели в своих солдатских вещевых мешках. А большинство пленных своих продуктов не имели. Хорошо еще, если на пути следования попадались огороды с неубранной капустой или свеклой. Вот и все.

В Вязьму немцы нас пригнали к вечеру третьих суток. Нас буквально загнали во двор недостроенного завода. Двор был огорожен высокой каменной стеной, похожей на тюремную. С одной стороны к забору примыкало пятиэтажное здание, построенное перед войной. Наружные строительные работы были сделаны не все, а внутренние не начинались. Окна не были застеклены. Во двор загнали 25–30 тысяч советских военнопленных, в том числе и более 200 раненых, которых мы разместили в подвальном помещении здания.

Посреди двора была большая воронка от 500-килограммовой бомбы, вначале заполненная дождевой водой. Затем, когда пленные стали брать из нее воду для питья, вода перемешалась с глинистой почвой и превратилась в болотце. Впоследствии пошли дожди, и все мы, пленные, вынуждены были мокнуть во дворе под дождем, превращаясь в грязно-серую массу. На ночь всех пленных немцы загоняли в здание. А так как здание не могло вместить

всех, то немцы, заталкивая пленных в здание, крайних избивали дубинками, затем открывали стрельбу из автоматов вначале поверх голов, а после и по головам... Так мы узнали, каков он, немецкий «порядок». В здании мы были лишены возможности сидеть из-за тесноты. Стояли на ногах до утра.

Идет четвертый день, как я в плену, а ни воды, кроме грязи в воронке, ни каких-либо продуктов пленным не давали. На пятый день немцы для своего развлечения привели во двор истощенную, без ноги, лошадь и отдали пленным на растерзание. Оставив лошадь посреди двора, немцы отошли в сторону и стали наблюдать, как пленные будут ее разделывать. Чтобы не быть смешным, я отошел в сторону, наблюдая, как вокруг лошади образовалась куча-мала. Те, у кого были ножи, бросились на лошадь. В считанные 15–20 минут от лошади остались лишь копыта, хвост и потроха. Наблюдая эту картину, немцы ржали от удовольствия.

Два раза в лагерь приносили 2–3 ящика концентратов, оставшихся еще с довоенных времен (суп-пюре гороховый и пшенная каша). В продолжение своего куража над голодными пленными они бросали пачки концентратов в толпу. Начиналась борьба, сопровождаемая свалкой и даже дракой. Немцы же кричали:

– Рус! Вайдо, вайдо!

По утрам по разнарядке немецкого военного коменданта Вязьмы из нашего лагеря стали брать отдельные группы военнопленных на разные работы в город для приведения его в порядок и подготовки к зиме. Брала в основном тех, кто имел специальности печников, шоферов и других, а также просто рабочих на погрузку-разгрузку – всего до 500 человек в день. Вечером, после работы, их снова возвращали в лагерь. Попасть в такую команду из лагеря означало добыть на этой работе картошку, свеклу, немного дров, воды – всего, чего не было в лагере. А в лагере вообще ничего не было для спасения от голода. Ведь нас по-прежнему немцы не кормили. Наступил пятый день, как мы находились в вяземском лагере и шестой день без пищи. Мои силы на исходе. Единственной едой у меня была банка сгущенки, оставшаяся еще с Молодечно. Ее я растянул на шесть дней. Воду из воронки я тоже не пил, видя, как некоторых косила дизентерия. Надо что-то решать, иначе погибну от голода. В лагере обязательно нужно было группироваться по 2–3 человека, чтобы облегчить поиски пропитания, дров, чтобы пищу сварить на костре. Напарником у меня был сослуживец из нашего артиллерийского дивизиона в Молодечно, еще из 161-й стрелковой дивизии. Это был техник-ветфельдшер из Ростовской области Николай по фамилии Макаров, или Ефимов, сейчас точно уже не помню. Я предложил ему при любых условиях постараться нам двоим попасть в группу, которую следующим утром будут отправлять на работу в город. А может быть удастся и сбежать, пусть не из города, так хоть из лагеря смерти. Иначе без пищи и воды больше не протянем – еще 3–4 дня и нам «капют», как говорят немцы. Для этого необходимо было обеспечить себе место на ночь поближе к выходу из здания, в котором нас запирали вечером. При входной двери имелся небольшой закуток, отгороженный кирпичной перегородкой. Мы с Николаем заняли его с утра и ни разу не вышли из него на протяжении суток. Простояли эти сутки на ногах. К открытию немцами дверей следующим утром мы оказались на улице в первых рядах. Слышу, кричит переводчик о том, что требуется группа численностью в 100 человек для работы в городе. Все ринулись к переводчику. А при нем стоит группа немцев, вооруженных дубинками. Образовали коридор и бьют по головам, отгоняя лишних. Пробежать коридор не так-то просто. Несмотря на удары, я устремился вперед, заслонив голову руками. А Николай остановился, получив сильный удар. Я кричу ему: «Беги сюда!» А он растерялся на минуту и тут же был оттеснен толпой. Так Николай и остался в лагере...

Наконец, группу сформировали, построили и повели в город. Перед городом остановили, отобрали 50 человек для разборки завалов от взорванной водонапорной башни. Нас же, оставшихся 50, повели дальше в город. Привели в большой двор бывшего птицекомбината (предполагаю, что это был скорее хладокомбинат). До войны там хранили мясо, делали мороженое.

Во дворе и в сараях было много хлама, разбитых ящиков, битого стекла и других ненужных вещей. Нам было приказано выносить из складских сараев хлам и грузить его в машины, вывозившие все за пределы города. Работали мы до 12 часов дня. С 12 до 13 часов у немцев был перерыв на обед, охрана ушла обедать. Нам же обед, конечно, никто не приготовил. Мы разбрелись по двору в поисках обедков и окурков. Вдруг я вижу – из здания выходит русский солдат, выносит мусорное ведро, опрокидывает его на землю и ищет окурки. Я присмотрелся к солдату и узнал его – ведь это Захар! Ездовой из нашей артбатареи, в которой я служил командиром отделения разведки в Молодечно! Фамилии его я сейчас уже не помню, помню только, что по национальности он был мордвин 1920 года рождения. Подхожу к нему:

– Захар, здравствуй!

Визжу, он меня не узнает, ведь за месяц я зарос бородой, весь в грязи и невероятно тощий. Я продолжаю говорить:

– Вспомни, ведь мы с тобой из одной батареи, служили в артиллерийском полку 161-й стрелковой дивизии в Молодечно!

Наконец он узнал меня. Смотрю на него – он по-прежнему здоровый, краснощекий. Спрашиваю:

– Что ты здесь делаешь?

И он мне рассказал, что попал в плен 14 октября и на своей повозке, без всяких приключений, под конвоем немцев, вместе с ними приехал в Вязьму. Как потом оказалось, попал он в хозяйственную часть, прикомандированную к 9-й немецкой армии. При части имеется небольшой лагерь военнопленных из 100 человек, которые заняты сбором и вывозом с оккупированных территорий трофеев и сырья для промышленности Германии.

Из 100 пленных, работавших в этом лагере, 12 работали с лошадьми, свозя трофеи и сырье во двор комбината. Остальные сортировали все это, упаковывали и отгружали для перевозки на станцию железной дороги. Собирали и отгружали кожи, металлолом, зерно, кости и всякие вторичные отходы, годные на переработку. Сюда же крестьяне окрестных деревень свозили с мест, где прошли бои, автомобильные резиновые покрышки. Немцы за каждую покрышку давали им по 1 килограмму зерна.

Захар сказал мне, что эти сто военнопленных, и он в том числе, живут в сарае при штабе этой немецкой хозяйственной части. Спят на стружках и дважды в день получают баланду. В центральном лагере Вязьмы на тот момент и этого не было. Лишь позже, когда я уже убежал из центрального лагеря, после вмешательства Международного Красного Креста советским военнопленным в лагерях стали выдавать баланду. Еще Захар сказал мне, что в этом лагере пленным приказано было оборудовать на зиму себе барак в складском помещении. Сам же Захар убирает контору штаба и одновременно отапливает ее. Большинство пленных, занятых работой по сбору и отгрузке сырья, попутно добывают кое-что для дополнительного пропитания. Это и картошка с полей и огородов и отходы в виде свиных шкур и др. Я рассказал Захару о своем бедственном положении: если я останусь в центральном лагере военнопленных, то больше недели мне не прожить. Спросил у него совета. Захар был человек простой, он посоветовал мне следующее:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.